

ВМЕСТЕ С ОРЕНБУРГСКИМИ КАЗАКАМИ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИТАНСКОГО ОФИЦЕРА АЛЕКСАНДРА ФЕЛПСА ХОДЖЕСА В 1919–1920 ГОДАХ

Иностранные источники о Гражданской войне на востоке России представляют во многом не известный даже специалистам пласт документальных свидетельств¹. Одним из очевидцев конфликта, подробно изложивших свои впечатления, был британский офицер Александр Фелпс Ходжес (Alexander Phelps Hodges). В России его называли «Саша» — по одному из неиспользуемых им имен².

В 1931 г. Ходжес выпустил в Лондоне мемуары о своем участии в российской Гражданской войне и последующих приключениях под названием «Britmis: A Great Adventure of the War; Being an Account of Allied Intervention in Siberia and of an Escape Across the Gobi to Peking» («Британская миссия: Великое приключение войны; Отчет о союзной интервенции в Сибири и исходе через пустыню Гоби до Пекина»). Издание было снабжено фотографиями, которые автор делал во время описываемых событий. В 2011 г. воспоминания были переизданы в Лондоне. Что касается первого издания, то, насколько нам известно, книга представляет библиографическую редкость и в России, вероятно, в единственном экземпляре имеется у автора этих строк.

Несколько слов о биографии мемуариста. Александр Фелпс Ходжес родился 14 июля 1894 г. в Массачусетсе (США) в семье архитектора Артура Александра Ходжеса. Окончил Королевскую школу в Кембридже и два класса школы Шерборн, включая военный класс, учился в Королевской военной академии в Вулддже. Был офицером британской королевской полевой артиллерии, участвовал в Первой мировой войне во Франции и Бельгии. Был ранен и вернулся на родину. По выздоровлении служил на территории Великобритании. Осенью 1918 г., пользуясь некоторым знанием русского языка, капитан Ходжес подал рапорт о командировании в Россию (речь шла о районе Черного моря³). Закончилась Первая мировая война, офицер не вспоминал о поданном рапорте, но в связи с британской интервенцией в России понадобились такие специалисты, как он. Ходжес получил указание готовиться к отправке во Владивосток. Перед отплытием он развлекался в Лондоне, как мог, и самокритично писал: «Я планировал выехать через неделю и начал устраивать прощальные вечеринки для всех и каждого, безумно мотаясь из театра в ночной клуб и с обеда в дансинг, как делали и все остальные молодые идиоты в то время»⁴. 12 января 1919 г. он выехал из Ливерпуля на пароходе «The Empress of Russia» в Гонконг через Гибралтар, Суэц, Коломбо и Сингапур. Добравшись до Гонконга за пять недель (прибыл 15 февраля 1919 г.), он отправился в Шанхай, а оттуда в Нагасаки и далее во Владивосток, куда прибыл во второй половине марта 1919 г.

Далее офицера направили в британскую миссию в столицу Белой Сибири — Омск. Однако ему пришлось задержаться в Барнауле в качестве инструктора для обучения формирующихся там дивизий. Там же офицер переболел тифом. Лишь по выздоровлении во второй половине июля 1919 г. он попал в Омск, а затем был переведен для восстановления сил во Владивосток, где работал по линии разведки. После этого Ходжесу приказали вновь вернуться в Омск. Он был назначен офицером связи в Оренбургскую (с начала ноября 1919 г. — Отдельная Оренбургская) армию под командо-

ванием атамана А. И. Дутова⁵, и разделил с этой армией трудный путь отступления с Южного Урала на восток до китайской границы.

Лишь в мае 1920 г. британский офицер добрался до Пекина. В 1921 г. вышел в отставку в чине майора. Жил на Дальнем Востоке и в США. Пытался заниматься бизнесом в Нью-Йорке. Работал в Скандинавии, Германии и Франции. В 1925 г. женился в Канаде. Позднее вернулся на военную службу в Великобританию. Участвовал во Второй мировой войне, командовал противотанковым полком и служил на Ближнем Востоке. После войны в Берлине служил офицером связи. Дослужился до полковника, был отмечен британскими, французскими, сирийской и ливанской наградами. Окончательно вышел в отставку в 1950 г. В 1962–1972 гг. Ходжес руководил школой Шерборн. Умер 16 декабря 1977 г., похоронен возле Шерборна, в дер. Сэндфорст Оркас (графство Дорсет на юго-западе Англии), где и жил.

Период пребывания в России и Китае стал для Ходжеса одним из самых ярких впечатлений, даже несмотря на обширный и разнообразный боевой опыт. Свои воспоминания он посвятил спутникам по неожиданному путешествию через пустыню Гоби. Сам автор отмечал, что написал воспоминания по прошествии определенного периода после событий, когда улеглись страсти. Но подготовить подробные, практически подневные воспоминания годы спустя невозможно без дневниковых записей, которые легли бы в их основу. И действительно, такие записи существовали. Часть походного дневника британского офицера за период с 20 октября по 30 декабря 1919 г. сохранилась в Национальном архиве Великобритании (Public Record Office)⁶. Кроме того, Ходжес вел заметки, отражающие состояние белых формирований, к которым был прикреплен. Его перу принадлежит составленный в 1920 г. оперативный отчет № 2 об отступлении Отдельной Оренбургской армии с Южного Урала в Семиречье. Этот документ был ранее нами переведен и опубликован⁷. Сравнение различных свидетельств офицера позволяет составить представление о том, с чем британец столкнулся в России.

Рассуждая об отборе кадров для британской военной миссии генерала А. Нокса в Сибири, Ходжес отметил, что почти все направленные туда из Великобритании офицеры не подходили для такой службы. Многие плохо знали русский язык или не знали его вовсе. Ходжес честно признавался, что вместе с сослуживцами был практически бесполезен. Часть командированных, отбыв в России шестимесячный срок, с радостью уезжали домой.

Местные жители относились к благополучным англичанам неприязненно. Еще во Владивостоке Ходжес запасся для предстоявшей поездки по Сибири кофе, чаем, сахаром, шоколадом, солью, вином и виски, зубной пастой, мылом и другими необходимыми продуктами и предметами.

Поездка в Омск по враждебной стране запомнилась офицеру. Как он отмечал, само по себе железнодорожное сообщение по Транссибирской магистрали было возможно лишь в результате присутствия союзных войск, включая чехословаков и белых, поскольку красные партизаны постоянно разрушали пути. Местное население было радо любой власти, обеспечивавшей порядок и безопасность. Солдаты-колчаковцы не хотели воевать, было много случаев самострелов. Белое командование Ходжес справедливо критиковал за некомпетентность, халатность и прокрастинацию, коррупцию и интриги, а также за раздутость тылов. Существовала и определенная рознь между офицерами и солдатами. Ходжес вспоминал, как тяжело было наблюдать в Омске раненых, которые брели пешком от станции до госпиталя по грязным улицам, тогда как офицеры катили на автомобилях или в экипажах.

До Оренбургской армии Ходжес добрался через Петропавловск (там он оказался 21 октября 1919 г.). Офицеру выдали шифр для связи с британской миссией (позднее выяснилось, что миссия не могла расшифровать телеграммы Ходжеса⁸, последний же предполагал, что русские могли специально портить сообщения, чтобы в Омске не знали об истинном положении дел у Дутова). Британское командование было особенно заинтересовано в информации о положении на Ташкентской железной дороге и о планах большевиков в отношении Индии. Ходжесу поручалось подталкивать командующего армией атамана А. И. Дутова к тому, чтобы перерезать Ташкентскую дорогу, не позволив большевикам действовать против британской Индии⁹. Впрочем,

к тому времени Оренбургская армия отступила от полосы этой железной дороги далеко на восток. В Петропавловске к Ходжесу присоединился ехавший в армию Дутова барон Д. О. фон Тизенгаузен, назначенный, по словам мемуариста, оренбургским губернатором (до революции он был оренбургским вице-губернатором). Другой британский офицер, капитан Гиллеспи, прикомандированный к штабу 3-й армии белых, ориентировал Ходжеса в обстановке, указав, что Дутов находился в г. Кокчетаве.

Начиная воспоминания об Оренбургской армии, Ходжес пишет о том, что эта армия потерпела тяжелое поражение под Оренбургом в августе 1919 г., в бытность командующим генерала Белова (речь шла еще о Южной армии под командованием П. А. Белова, осенью 1919 г. переформированной в Оренбургскую¹⁰). Упомянул мемуарист и о дальнейшем тяжелом отходе армии на Атбасар.

Численность армии Ходжес определял в 13 тыс. сабель, 10 тыс. штыков при 65 орудиях¹¹. Перед отъездом из Омска британец получил копию боевого расписания Оренбургской армии к 15 октября 1919 г., согласно которому армия Дутова имела 8200 сабель, 3600 штыков и 22 орудия. Из 11 800 человек 9300 принадлежали к 4-му Оренбургскому армейскому корпусу генерала А. С. Бакича¹². И хотя Ходжес путается в наименованиях и нумерации корпусов (корпус Бакича он ошибочно именовал вторым), очевидно, при подготовке воспоминаний он опирался на некоторые документы, непосредственно относившиеся к событиям. Ходжес отмечал, что в этой армии действовала 11-я Сибирская стрелковая дивизия, которую он готовил еще в Барнауле. Однако жизнь дивизии была недолгой — часть солдат дезертировала, а дивизию расформировали.

В районе гг. Атбасар и Кокчетав армия должна была отдохнуть и подвергнуться реорганизации, с тем чтобы далее взаимодействовать с 3-й армией генерала К. В. Сахарова, располагавшейся севернее, в полосе Транссибирской магистрали. Корпус Бакича располагался юго-восточнее Кустаная и не участвовал в отступлении по Ташкентской железной дороге. Те же, кто прошел через это отступление, пребывали в намного худшем положении. Армия при отступлении, по оценке Ходжеса, потеряла половину личного состава и $\frac{2}{3}$ артиллерии. Английский офицер сопоставлял проблему восполнения потерь белыми с тем, что происходило на Западном фронте в Первую мировую войну. Там пополнения присылали из Англии, и вскоре потрепанный в тяжелых боях полк восстанавливался при помощи старых офицеров и унтер-офицеров. В сравнении с теми боями потери Оренбургской армии выглядели несущественными, но имелись свои особенности. Например, лишь небольшой процент потерь относился к боевым, большинство же было вызвано дезертирством и болезнями. Кроме того, практически не было пополнений, а также существовал колоссальный дефицит всего, что может понадобиться, включая винтовки, амуницию, обмундирование, снаряжение, медицинские материалы. В тылу из-за партизанского движения не было безопасных районов для отдыха и реорганизации войск. Но что хуже всего — не было боевого духа, веры в товарищей и в успех борьбы. Положение усугублялось присутствием в районе армии массы беженцев, что способствовало дополнительной деморализации, так как войска заботило лишь спасение своих семей. При этом состояние РККА, по мнению Ходжеса, было немногим лучше. Если бы армию атамана Дутова можно было привести в порядок, она, как полагал британский офицер, в количестве 12 тыс. человек могла бы сыграть роль в боевых операциях. Основу армии составляли оренбургские казаки. Дутов понимал, что чем дальше они отходили от родных станиц, тем ниже была их мотивация воевать.

В штаб армии, находившийся в Кокчетаве, Ходжес прибыл 29 октября 1919 г.¹³ Кокчетав в то время представлял собой большую деревню примерно в тысячу дворов. Там можно было достать разнообразные продукты (мясо, хлеб, колбасу, муку, овощи, яйца) по умеренным, по мнению англичанина, ценам.

На следующий день по прибытии Ходжес встретился с Дутовым. По описанию англичанина, это был «низкорослый, круглый, маленький человек с мягкими карими глазами и стрижкой ежиком. Как большинство русских, он не брился до вечера, таким образом, у него был довольно неопрятный внешний вид. Одетый в коричневую российскийскую рубаху и темные галифе со светло-голубым лампасом оренбургских казаков, он выглядел кем угодно, но только не идеалом кавалерийского начальника»¹⁴. Дутов

пригласил англичан встречаться каждое утро в 11 часов, когда начальник оперативного отдела капитан В. Н. Троицкий зачитывал коммюнике, поступали разведывательные сводки и обсуждалась оперативная обстановка. При армии уже находились два французских офицера, в том числе полковник Ж.-Л. Пишон, которого сделали почетным казаком Оренбургского войска, и капитан И. де Керанга (у него была портативная пишущая машинка «Корона», которой пользовался в своей работе Ходжес).

Положение белых на основном колчаковском фронте ухудшалось, войска отступали на восток. По впечатлению Ходжеса, Дутов мечтал, чтобы красные оставили его в покое и сосредоточились на борьбе за Омск. При наличии двух месяцев в запасе он мог бы реорганизовать и восстановить армию и удерживать район Атбасар — Кокчетав — Акмолинск, слабо затронутый Гражданской войной и имевший запасы продовольствия, фуража, лошадей, войлока и, вероятно, потенциальных солдат. Такая особенность позволяла перезимовать в этом районе и продержаться до весны, чтобы затем развернуть новое наступление на Оренбург.

Дутов был недоволен распоряжениями генерала К. В. Сахарова и стремился к независимости. Так, 5 ноября он пригласил Пишона и Ходжеса, сообщив им, что получил приказ расположиться на фланге 3-й армии и содействовать ей. Это означало оставление атбасарского района и движение через ненаселенные регионы с утратой надежды на реорганизацию армии. Атаман просил иностранцев использовать их влияние на британского и французского военных представителей в Омске — генералов А. Нокса и М. Жанена, чтобы изменить этот приказ¹⁵. Как оказалось, исполнение приказа для разбитой и деморализованной армии Дутова было в принципе невозможно.

Полковник Пишон отправлялся в Омск на автомобиле, и Ходжес передал с ним свой оперативный отчет № 1 на имя генерала Нокса. К сожалению, нам этот документ неизвестен, а сам Ходжес вспоминал, что одно из его писем в британскую военную миссию было отправлено из Канады через два года, причем достигло адресата. Ходжес так и не узнал, кто отправил это письмо и чем была вызвана двухлетняя задержка¹⁶.

Дорога на Омск уже была перерезана красными. В Кокчетаве наряду со штабом армии находились несколько казачьих сотен. Войск с фронта не было. Перед оставлением города штабом было приказано уничтожить водочный завод, что привело к беспорядкам среди части городской милиции и казаков 6–7 ноября. При отходе белых город покинули и многие местные жители.

Ходжесу было интересно ознакомиться с боевыми частями. Такая возможность ожидалась в связи с подходом 1-го Оренбургского казачьего корпуса генерала И. Ф. Шильникова, но прибытия этих сил Ходжес не дождался. Первой частью с фронта, которую он увидел, был 1-й Туркестанский артиллерийский дивизион. Впечатление от этой части было неблагоприятным. В четырех батареях оставалось лишь четыре забрызганных грязью орудия и незначительное количество личного состава (некоторых Ходжес обучал еще в Барнауле). Кадровый артиллерист Ходжес переживал за состояние части. Офицеры дивизиона делились фронтовыми впечатлениями — они с ненавистью отзывались о действиях казаков в период боев на Ташкентской железной дороге и ругали негодное командование.

Оренбургская армия, по оценке британского офицера, была типичным примером колчаковских войск. Крайне любопытно описание Ходжесом штаба армии: «Здесь находился штаб армии, достаточный по численности для десятикратно больших сил, который выпускал лживые коммюнике с величественными рассуждениями о бригадах, дивизиях, контратаках и отходах согласно плану и ничего не делал для превращения армии в боевую силу. Я только начинал понимать, что Дутов не имел намерения воевать»¹⁷. Некомпетентность и самонадеянность штаба, по мнению британца, были поразительны.

Штаб армии в ноябре передислоцировался в Акмолинск, корпус Бакича находился в Атбасаре, 1-й Оренбургский корпус должен был оборонять Кокчетав. Штаб армии находился в 200 верстах от войск Шильникова, между корпусами Шильникова и Бакича было 180 верст, а между Шильниковым и казаками Р. П. Степанова — 65 верст. При таком расположении войск ни о какой обороне говорить не приходилось. Британский офицер саркастично именовал подобную дислокацию «блестящим примером» штабной работы. Ходжес писал: «Пять сотен красных были зафиксированы в донесении —

не визуально, заметьте, ответственным офицером — но, как вы думаете, были ли предприняты какие-то усилия, чтобы выяснить реальную численность противника или его намерения? Ни малейших¹⁸. Но штаб армии отступил еще на двести верст. Вот почему я иногда смеюсь, когда большевики говорят о тяжело доставшихся им победах в период Гражданской войны»¹⁹.

Ходжес не сомневался в наличии тысяч храбрецов по обе стороны баррикад. Но все это не отменяло низкого уровня управления войсками у белых и того, что множество офицеров предпочитало отсиживаться в тылу. При этом серьезных боев, сопоставимых с Первой мировой войной, практически не было.

Ходжес отправился в Акмолинск вместе с комендантом штаба армии полковником В. Н. Шапошниковым. Ехать пришлось неделю, останавливаясь на ночлег в деревнях. В этот период британский офицер тесно соприкоснулся с жизнью русского населения. Он не мог смириться с раздражавшими его и распространенными в России непунктуальностью, нечистоплотностью, грубыми застольными манерами, хвастовством, некомпетентностью и трусостью²⁰. Русские офицеры, с которыми он взаимодействовал (полковники Шапошников, Снегодский и капитан Полонский), не умывались и не брились, удивляясь англичанам, которые это делали²¹. Кроме того, эти офицеры, как отмечал Ходжес, имели отвратительные застольные манеры. Тяжелое впечатление на англичанина производили крестьяне, лузгавшие семечки в избе и плевавшие шелуху прямо на пол или устраивавшиеся на ночлег в одежде всей семьей и не мывшиеся. Офицер тогда был молод и, как он сам признавал в мемуарах, нетерпим.

Русских офицеров поражало английское снаряжение, вооружение, обмундирование, лошади. Офицеры удивлялись рассказам о кровопролитных боях с германцами на Западном фронте, в Месопотамии, Палестине и Македонии, поскольку были убеждены, что всю тяжесть войны вынесла на себе Россия. Еще удивительнее им было слышать рассказ о победах союзников над немцами после выхода России из войны в 1918 г. Русские офицеры преклонялись перед Германией и, как они признавали, в годы Первой мировой не особенно верили в возможность победы над ней.

Кокчетав белые оставили 15 ноября 1919 г. без боя. Якобы генерал Шильников заявил, что обороняться слишком холодно²². Для успокоения настроений штаб армии выпустил коммюнике с успокоительными и далекими от действительности заверениями о слабости красных, нехватке у них зимнего обмундирования, слухами об антибольшевистских восстаниях в Самаре, Оренбурге и других городах и о получении радио с Юга России от генерала А. И. Деникина с объявлением о падении Москвы. Дутов в случае дальнейшего отступления предполагал отходить на Семипалатинск, где имелась железнодорожная ветка, связанная с Транссибирской магистралью. Связь с главными силами Колчака поддерживалась через Степную группу войск. Интересно, что до штаба армии доходили по радио сведения от генерала И. Г. Акулинина — одного из командиров корпусов Южной армии, отступившего с частью казаков от Ташкентской железной дороги не на восток, а на запад — на соединение с уральцами. Поступила информация, что он якобы перерезал Ташкентскую дорогу в районе станции Эмба²³. По нашим данным, такие сведения не соответствовали реальной оперативной обстановке²⁴.

17 ноября 1919 г. Ходжес добрался до Акмолинска. Офицер получил приказ присоединиться к британской военной миссии, чего ему делать не хотелось, так как поход с Оренбургской армией казался захватывающим. Начальник штаба армии генерал И. М. Зайцев обещал помочь уезжавшим иностранным представителям с документами, лошадьми, транспортом и зимним обмундированием.

К этому времени Ходжес выяснил точные данные о численности корпуса генерала Бакича: 7215 человек, включая 3379 невооруженных, при 93 пулеметах и 13 орудиях²⁵. Британский офицер не мог поверить, что половина корпуса была безоружной, тогда как местные крестьяне были вооружены. Все это свидетельствовало о недостаточности организационных усилий штаба.

21 ноября Дутов устроил парад Атаманского полка, конвойной сотни и религиозных добровольческих дружин Святого креста. С фронта пришли новости о том, что красные разрезали фронт корпуса Бакича надвое и развивали наступление, что могло привести к отсечению корпуса от штаба армии. Тем временем 23 ноября в Акмолинске

проводился благотворительный концерт в пользу религиозных добровольцев с выпивкой, где Ходжес с интересом наблюдал за поведением русских офицеров, веселившихся в период развала фронта. В тот же день офицер отправил в британскую миссию последнюю перед долгим перерывом телеграмму.

Беззаботность странно сочеталась с паническими настроениями штаба армии в связи с приближением красных. Армии как боевой силы практически не существовало. Как писал Ходжес в своем оперативном отчете, «никто не подумал о каком-либо сопротивлении... каждый думал только о своей собственной безопасности»²⁶, а начальник штаба генерал Зайцев, «казалось, в этот момент потерял голову»²⁷. Офицеры пьянствовали и обсуждали панические слухи. Состояние армии было таково, что англичанин вообще не понимал, как Дутов согласился ее возглавить (разве что он вообще ничего не знал о положении войск и обстановке)²⁸. Несколько выстрелов было достаточно, чтобы войска обращались в бегство. Возможно, англичанин недооценивал красных, поскольку не соприкасался с ними непосредственно. Основным мотивом отступления белых был страх перед красным террором. Дутов живо заверял британского офицера, что никакой эвакуации нет, но уже 25 ноября штаб покинул Акмолинск.

Оценки британского офицера как независимого очевидца и участника событий чрезвычайно интересны. Его поражали абсурдные наименования белых частей, когда сотня человек именовалась полком, а одно орудие — батареей или даже дивизионом. Ходжес свидетельствовал, что до четверти армии страдало от тифа. О казаках он отзывался пренебрежительно, не понимая, каким образом они заслужили высокую боевую репутацию. Британский офицер иронизировал, что казаки «хороши в атаках через деревни (где нет противника) и в стрельбе из револьверов по любым открытым окнам или по старикам, женщинам и детям»²⁹. В оперативном отчете он охарактеризовал разные стороны Оренбургской армии и противника: силы Дутова и красных, планы, обстановку, тактику и боевой дух войск, работу связи, пропаганды, снабжения, фактор беженцев, отношение населения и т. д.

В дневнике и воспоминаниях британский офицер привел несколько курьезных случаев. Например, его удивил рассказ генерала Н. П. Карнаухова, который едва не попал в красный плен. Генерал заночевал в какой-то деревне, а наутро выяснилось, что в одной избе с ним спали красные бойцы. Один из них вручил Карнаухову письмо от его прежнего сослуживца князя Н. А. Хованского, перешедшего к красным, с предложением также вступить в РККА и командовать бригадой. Карнаухова такая перспектива не прельщала, и он поспешил исчезнуть³⁰.

Другой поразительный случай связан с генералом X (так он обозначен в мемуарах), командовавшим 4-й кадровой бригадой (в оперативном отчете Ходжеса указана фамилия генерала — Иванов; по-видимому, речь шла о 4-й Оренбургской кадровой бригаде, но генерал с такой фамилией не идентифицирован). Якобы он оказался под столь сильным влиянием своей любовницы, что был вынужден оставить Орск, чтобы вместе с ней эвакуироваться еще задолго до появления в окрестностях красных. Впрочем, эта история больше похожа на сплетню. Ходжеса поразило, что в бригаде каждый офицер перемещался на повозке с денщиком, возницей и женщиной.

Мемуарист повествует о приезде в Каркаралинск в декабре 1919 г.³¹, где выяснилось, что путь в Сибирь отрезан, так как красные заняли Семипалатинск, и присоединиться к британской военной миссии уже не получится. Следовательно, чтобы избежать плена и возможной расправы, приходилось отступать по ледяным степям вместе с Отдельной Оренбургской армией в направлении Семиречья и китайской границы. Для опасного и сложного путешествия Ходжес обзавелся шубой. Вместе с ним ехали еще четыре человека: временный лейтенант Йоркского и Ланкастерского полка Пол Мосс, а также трое бывших военнопленных — немец, венгр и русин. Последний выполнял обязанности слуги, повара и конюха. Французский офицер капитан де Керанга выехал из Каркаралинска в Сергиополь на своем кадиллаке, рассчитывая добраться за 48 часов — намного быстрее, чем Ходжес и его спутники, ехавшие на повозках. Правда, машина была заполнена канистрами с маслом и бензином, так что практически не было свободного места. Однако автомобиль, ожидаемо для тех условий, по пути сломался. Де Керанга со спутниками шел пешком до ближайшего аула, питаясь лишь

снегом. Затем он присоединился к группе Ходжеса. Интересно, что его автомобиль в итоге удалось найти и транспортировать при помощи верблюдов. Позднее машину починили, однако, понимая, что на ней он по назначению не доберется, француз подарил авто атаману Анненкову, к большой радости последнего³².

Дутов распорядился устроить этапные пункты по пути отступления, что очень помогло мемуаристу и его спутникам. На этапах должны были возводиться казахские юрты и предполагалась смена лошадей. Впрочем, реальность не всегда этому соответствовала. Вся дорога у Ходжеса заняла девять дней.

В Семиречье британский офицер встречался с атаманом Б. В. Анненковым, который произвел на англичанина приятное впечатление и обещал свое содействие³³. Впрочем, одет он был, как разбойник из комической оперы³⁴. По свидетельству Ходжеса, энергичный Анненков сам водил машину и постоянно инспектировал войска. Подчиненные приветствовали его фразой: «Здравия желаю, брат атаман!» Ходжес предупредил Анненкова, чтобы тот не особенно рассчитывал на отходившую в Семиречье Оренбургскую армию. Если из нее получится набрать хотя бы шестьсот боеспособных солдат, уже будет хорошо³⁵. Впрочем, оптимизм Анненкова это не поколебало. Атаман мечтал о покорении Туркестана, возможном, если бы дутовцы держали семипалатинский фронт. В начале 1920 г. его планы, которым он поделился с Ходжесом, свелись к идее уйти в Китай и далее добраться до Забайкалья, где присоединиться к атаману Г. М. Семенову³⁶.

Постепенно в Семиречье стали прибывать дутовцы. Ходжес засвидетельствовал факты плохого обращения анненковцев с первыми прибывшими и случаи арестов даже офицеров. У арестованных изымали средства, превышавшие 10 тыс. омских рублей. Перед иностранцами же Анненков явно заискивал. Не обходилось и без хвастовства. Анненков очень гордился своим полком черных гусар в Чугучаке, в котором на деле было лишь 25 человек. Вся армия, по его утверждениям, достигала 40 тыс. человек, но, по оценке Ходжеса, едва ли превышала 9 тыс. В телеграмме в британскую миссию, датированной 2 января 1920 г., Ходжес оценил численность анненковцев в 7–14 тыс. человек (в оперативном отчете — 9–15 тыс. человек), а дутовцев — лишь в 4700 человек (в оперативном отчете — не более 5 тыс.)³⁷. Чтобы посторонние не поняли, о чем речь, Ходжес составил телеграмму иносказательно, причем обозначил Отдельную Оренбургскую армию фразой «наш цирк». Подводя итог причинам неудачи армии Дутова, Ходжес в своем оперативном отчете возлагал главную ответственность на белое командование, его трусость, эгоизм и в целом постыдное поведение³⁸.

Англичанин планировал из Семиречья проехать в Китай, в приграничный г. Чугучак. В январе 1920 г. Ходжес, наконец, пересек китайскую границу и покинул войска белых. Интересно, что в Чугучаке в ходу были русские деньги, которыми англичанин и рассчитывался за транспорт. Его путь лежал к столице Синьцзяна — г. Урумчи. После пребывания в Урумчи в феврале Ходжес и его спутники отправились вглубь Китая через пустыню Гоби. Капитан де Керанга, ехавший с Ходжесом, также оставил описание поездки по Китаю³⁹. Описание путешествия через Гоби в Пекин (более двух тысяч миль) занимает значительную часть мемуаров Ходжеса, но для нас эта часть его работы, носящая характер географического описания экзотических мест, наименее интересна. В целом же воспоминания и документы капитана Ходжеса представляют собой ценный и до сих пор не известный российским исследователям исторический источник.

Примечания

¹ См., например: Ганин А. В. Воспоминания полковника Я. М. Розенбаума как источник по истории антибольшевистского движения на Востоке России в 1918–1920 годах // Гороховские чтения : материалы двенадцатой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2021. С. 267–273.

² *Hodges Ph. Britmis: A Great Adventure of the War. L., 1931. P. 116.*

³ *Ibid. P. 27.*

⁴ *Ibid. P. 40.* Здесь и далее перевод наш.

⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

⁶ Выражаю благодарность кандидату исторических наук В. Б. Каширину, выявившему и скопировавшему эти документы.

⁷ Новые материалы об атамане А. И. Дутове / публ. А. В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов / сост., науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. С. 100–219.

⁸ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 164.

⁹ *Ibid.* P. 102.

¹⁰ Подробнее см.: Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака : воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022.

¹¹ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 112.

¹² Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

¹³ Public Record Office (PRO). War Office. 106/1205. P. 36.

¹⁴ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 114.

¹⁵ *Ibid.* Pp. 115–116.

¹⁶ *Ibid.* P. 195.

¹⁷ *Ibid.* P. 122.

¹⁸ Вместе с тем Ходжес отмечал, что разведывательную информацию о красных белое командование могло легко получать от казахов, которые преодолевали за день около сотни верст верхом и добывали сведения за небольшие подарки в виде сахара или табака.

¹⁹ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 126.

²⁰ *Ibid.* P. 128.

²¹ PRO. War Office. 106/1205. P. 44.

²² *Hodges Ph.* Op. cit. P. 134.

²³ PRO. War Office. 106/1205. P. 47.

²⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Три жизни генерала Акулинина (часть 2) // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 97–127.

²⁵ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 139.

²⁶ Новые материалы об атамане А. И. Дутове ... С. 136.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Там же. С. 138.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 150.

³¹ *Ibid.* P. 17.

³² *Ibid.* P. 197.

³³ *Ibid.* Pp. 194–195.

³⁴ PRO. War Office. 106/1205. P. 64.

³⁵ *Ibid.* P. 67 ; *Hodges Ph.* Op. cit. P. 202.

³⁶ *Hodges Ph.* Op. cit. P. 226.

³⁷ *Ibid.* P. 224.

³⁸ Новые материалы об атамане А. И. Дутове ... С. 147.

³⁹ *Kerangat.* A Travers le Désert de Gobi (Mars 1920) // *La Géographie.* 1921. Т. XXXVI. № 3. P. 340–349.